

Бовсуновская Анна Ивановна

ПЕРЕВОД "БОГОСЛОВИЯ" ИОАННА ДАМАСКИНА ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVII ВЕКА

"Богословие" Иоанна Дамаскина в переводе Епифания Славинецкого, лингвистически не исследованный памятник, являет собой средоточие языковых поисков грекофильствующих в XVII веке и отражает, с одной стороны, языковую ситуацию преднационального периода, с другой - индивидуальные эксперименты переводчика. Исследовательскую ценность представляют глоссы, сохранившиеся в печатном варианте, как размышления переводчика над лексикой и грамматикой. Причиной их сохранности могло послужить столкновение устойчивых переводческих формул и структурно-семантических калек переводчика.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 27-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Каркавина О.** Языковая реализация интермедийных отношений в творчестве Тони Моррисон: дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2010. 194 с.
2. **Сарджент У.** Джаз: Генезис. Музыкальный язык. Эстетика / пер. с англ. М. Н. Рудковской и В. А. Ерохина; вступ. статья В. А. Ерохина; общ. ред. и коммент. В. Ю. Озерова. М.: Музыка, 1984. 295 с.
3. **Morrison T.** Jazz. N. Y.: Knopf, 1992. 229 p.
4. **Scher S.** Notes Toward a Theory of Verbal Music // Essays on Literature and Music (1967-2004) / edited by W. Bernhart and W. Wolf. N. Y., 2004. 525 p.

**REPRESENTATION OF MUSICAL ATMOSPHERE OF JAZZ IN THE NOVEL
BY T. MORRISON "JAZZ" BY MEANS OF VERBAL MUSIC**

Belonozhko Lidiya Vasil'evna

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

bilonozhko@yahoo.com

The article considers and analyzes certain methods of using verbal music in the novel by Toni Morrison "Jazz". In particular, use of terminological vocabulary of jazz music and also figurative - narrative methods for simulating the prosodic colouring and improvisational structure typical of jazz compositions. By means of verbal music the writer manage to reveal and efficiently use the artistic qualities of a language in a multidimensional literary and esthetic representation. Due to intermedial inclusions the text of the novel expands the prospects of interpretation appealing mostly to the emotional, intuitive perception; hence originate the backgrounds for experiments with a form.

Key words and phrases: verbal music; intermediality; musicalization of a piece of prose; jazz; improvisation; lyrical digression; break in a literary text.

УДК 811.163.1

Филологические науки

«Богословие» Иоанна Дамаскина в переводе Епифания Славинецкого, лингвистически не исследованный памятник, являет собой средоточие языковых поисков грекофильствующих в XVII веке и отражает, с одной стороны, языковую ситуацию преднационального периода, с другой – индивидуальные эксперименты переводчика. Исследовательскую ценность представляют глоссы, сохранившиеся в печатном варианте, как размышления переводчика над лексикой и грамматикой. Причиной их сохранности могло послужить столкновение устойчивых переводческих формул и структурно-семантических калек переводчика.

Ключевые слова и фразы: история русского литературного языка; грекофилы; Епифаний Славинецкий; особенности перевода; глосса.

Бовсуновская Анна Ивановна, к. филол. н.

Казанский государственный медицинский университет

bowari@yandex.ru

**ПЕРЕВОД «БОГОСЛОВИЯ» ИОАННА ДАМАСКИНА ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVII ВЕКА ©**

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 12-34-01322
«Богословие Иоанна Дамаскина в церковнославянской традиции и рецепции».*

«Точное изложение православной веры» (другие названия – «Богословие», «Небеса») Иоанна Дамаскина, третья часть его монументального труда «Источник знания», стало первым богословским произведением, переведенным на древнеславянский язык: в X веке Иоанн Экзарх Болгарский, принадлежавший к духовным наследникам Кирилла и Мефодия, сделал переложение некоторых наиболее важных глав «Богословия» Дамаскина. И с тех пор это произведение безоговорочно легло в основу православной догматики в *Slavia Orthodoxa*. Оно имеет богатую традицию бытования на славянской почве – об этом свидетельствует большое количество списков перевода Иоанна Экзарха и появление в ключевые эпохи духовной истории православного славянства новых переводов. Известны переложение, выполненное в XVI веке князьями А. М. Курбским и М. А. Оболенским, перевод Епифания Славинецкого XVII века, перевод архиепископа Амвросия XVIII века и другие.

Представим ситуацию в русском литературном языке XVII века.

Б. А. Успенский рассуждает о влиянии представителей Юго-Западной Руси на великорусскую книжную традицию в XVII веке, оговаривая при этом условность термина «третье южнославянское влияние» и термина

«русский» [16, с. 411]. Подоплека – стремление к восстановлению единого литературного языка православного славянства. «Югозападнорусская традиция выступает как авторитетный – с великорусской точки зрения – посредник в греческо-русских культурных контактах. <...> Соответствующее восприятие югозападнорусской традиции определяется тем, что в Юго-Западной Руси поддерживаются контакты с греками, что и естественно в условиях подчинения киевской митрополии константинопольскому патриарху» [Там же, с. 412]. Проявления – книжные реформы патриарха Никона в середине XVII века, вследствие которых церковнославянский язык великорусского извода приближается к югозападнорусскому изводу. Сторонники никоновских реформ выступают за грамматическую правильность и адекватную передачу греческого текста. Инок Евфимий Чудовский, ученик Славинецкого, в предисловии к переводу Евангелия XVII века пишет о необходимости отказа от традиционного словоупотребления: отвергается влияние книжного употребления слова в авторитетных переводных текстах и рекомендуется обращение к лексикографическому значению того или иного слова [Там же, с. 413].

Политической и идеологической предпосылкой грекофильства, как указывает Б. А. Успенский, выступает программа царя Алексея Михайловича о создании православной русской империи в масштабе Византии. При этом греки воспринимаются как носители византийской традиции. Алексей Михайлович пытается устранить несоответствие между политическим и культурным местом России в православии за счет византизации всей русской жизни [Там же, с. 416].

Для понимания характера третьего южнославянского влияния и природы тех конфликтов, которые оно вызывало на великорусской территории, необходимо иметь в виду, что оно было проводником не только греческой, но и западной латино-польской культуры. В самом деле, третье южнославянское влияние было обусловлено, как мы видели, грекофильской ориентацией. Однако Юго-Западная Русь находилась под сильным западным влиянием и, соответственно, выступала не только как посредник в контактах с греческой культурой, но и как посредник в контактах с культурой западноевропейской. Тем самым третье южнославянское влияние приводит к значительной латинизации русской книжной культуры: субъективная ориентация на греческую традицию приводит к объективному влиянию традиции латинской. Во второй половине XVII в. этот момент обуславливает борьбу грекофильской и латинофильской партии (к партии грекофилов относятся Епифаний Славинецкий, его ученик чудовский инок Евфимий, братья Лихуды, патриарх Иоаким; к партии латинофилов – Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев); грекофильская партия группируется вокруг патриарха (Иоакима), тогда как партия латинофилов находит поддержку при дворе (при Федоре Алексеевиче и царевне Софье). Таким образом, югозападнорусское влияние закладывает основы для того антагонизма светской и духовной культуры, который в значительной степени определил культурную и языковую политику последующего периода.

С именами Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского, Симеона Полоцкого связано, в частности, становление и развитие греко-латинского школьного образования в Москве. Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский – преподаватели Киево-Могилянской академии – были приглашены в Москву для перевода Библии с греческого языка. Епифаний Славинецкий, помимо активной переводческой и литературной деятельности (его перу принадлежит около 50 слов-проповедей), известен как создатель многоязычных лексиконов, использовавшихся в школах при изучении латинского и греческого языков. Наравне с латинским Епифаний преподавал в Киевской братской школе (впоследствии Киево-Могилянской академии) также греческий и церковнославянский языки.

Плодотворно работая на протяжении 26 лет в Москве, Славинецкий оставил после себя богатейшее наследство. Перу его принадлежит около 150 трудов, переводных и оригинальных.

Своими переводами Славинецкий способствовал развитию просвещения и формированию научной терминологии. Переводы Епифания, как и его оригинальные труды, отличаются прекрасным церковнославянским языком. Он считается автором последней (Нико-Цареградской) редакции перевода Символа веры: внесенные им в 1654 году в текст Символа правки (в основном стилистические) были приняты Собором Русской церкви.

Перевод «Богословия» XVII века, выполненный Епифанием Славинецким, отражает идеологию и языковые установки грекофилов с их склонностью к грецизации и архаизации церковнославянского, с одной стороны, и с неизбежностью юго-западнорусского и латинского влияния в переводческом и лексикографическом творчестве – с другой. Точное следование букве греческого оригинала обуславливает тяжеловесность и неудобочитаемость перевода Славинецкого и меньшую его популярность в сравнении с первым переводом Иоанна Экзарха Болгарского. Перевод изобилует словообразовательно тяжеловесными конструкциями, составленными по греческим моделям. Благодаря скрупулезной передаче оригинала в текстопостроении воплощаются фигуры византийской риторики. Хотя точность следования оригиналу предполагает и обуславливает отсутствие значительной вариативности по сравнению с переводами других эпох, необходимо отметить те особенности, которые характеризуют индивидуальный «стиль» переводчика и одновременно отражают историческое развитие языка.

Первой примечательной чертой перевода выступают глоссы – несмотря на то, что перевод представляет собой печатное издание 1665 года, примечания переводчика и в этом варианте представлены достаточно обширно. Отметим, что глоссы как явление традиционны в славянской традиции «Богословия». Н. Г. Николаева и С. И. Кузьмин рассматривают комментарии в переводе «Богословия» А. Курбского, которые представлены в виде обширных сказов [9]. Сохранность глосс в переводе Славинецкого функционально обусловлена: они представляют собой нерешенные размышления Славинецкого о выборе формы, косвенно отражают состояние языка, выполняют, кроме того, эстетическую функцию, украшая перевод и характеризую стиль переводчика, обогащают текст. В то же время обилие комментариев «утяжеляет» и без того достаточно сложный для прочтения перевод.

В глоссах, сохранившихся в печатном тексте «Богословия» в переводе Славинецкого, отражаются грамматические поиски переводчика.

В частности, варианты падежных форм:

Хоцетъ состоатиса миръ – **миръ** [12, л. 25] (в оригинале θέλει συνίστασθαι τὸν κόσμον *он желает, чтобы образовался мир*) (здесь и далее перевод с греческого дается в редакции проф. А. А. Бронзова – А. Б.) [13, с. 165].

члкъ (ввъ) [12, л. 30] (τῶν ἀνθρώπων *людей* [13, с. 180]).

Здесь мы видим сближение с греческой языковой моделью, имеющей материально выраженное окончание в форме родительного множественного – традиция, идущая от Максима Грека. Так, при исправлении Требника для московского издания 1658 г., в основу которого положено киевское издание 1646 г., справщики правят киевское издание, последовательно добавляя окончание -овъ (-въ) в интересующих нас формах, например: **агълъ** заменяется на **агълвъ** *ангелов* (здесь и далее перевод с церковнославянского наш – А. Б.), **пррокъ** – на **прроквъ** *пророков*, **аплъ** – на **аплвъ** *апостолов*, **мчникъ** – на **мчниквъ** *мучеников*, **ієрархъ** – на **ієрархвъ** *иерархов*, **ошчникъ** – на **ошчниквъ** *учеников*, **иноплеменникъ** – на **иноплеменниквъ** *иноплеменников* и т.п. Еще более показательным, что Епифаний Славинецкий, исправляя Символ веры, заменяет **вѣкъ** на **вѣквъ** *веков*, **члкъ** – на **члкъвъ** *человеков* [3, с. 126].

Копирование греческих грамматических моделей было вполне сознательным (в отличие от ориентации на юго-западнорусские языковые нормы) и воспринималось книжниками второй половины XVII в. как необходимое условие адекватной передачи содержания греческого текста. Это приводит к крайнему буквализму никоновской и послениконовской справы, когда новоисправленный текст может входить в прямой конфликт с грамматической системой церковнославянского языка. Таким образом, и здесь мы наблюдаем то стремление приблизить церковнославянские переводы к греческому оригиналу, которое характеризует каждое из южнославянских влияний [16, с. 467].

Другой пример грамматического поиска Славинецкого, выраженного в глоссе:

Сїи же и ѡ (въ) дѣйствѣхъ дамы. Какъ бо хотѣти, какъ зрѣти, какъ дѣйствовати... [12, л. 33 об.] (Τοῦτο καὶ ἐπὶ τῶν ἐνεργειῶν δόσομεν τό γάρ πῶς θέλειν, πῶς ὁραῖν, πῶς ἐνεργεῖν... *Это же мы допустим и относительно действий. Ибо как желать, как видеть или как действовать...* [13, с. 226]).

Никоновские справщики более или менее последовательно заменяют предлог *о* (*ω*) на *в*. Предлог *о* с местн. падежом первоначально означал «вокруг», однако уже в старославянском языке этот предлог в данном значении вытесняется предлогом *окръсть*; соответственно, предлог *о* теряет свое конкретное значение, обозначая весьма общие отношения [1, с. 223]. В грамматике Смотрицкого говорится о подобном употреблении предлога *о* как специфически славянской черте, отличной от греческого употребления: *ω, вмѣсто во, Греческаго ἐν, Славяны употребляемо, томѣжде падежу сочиняется, яко, Возвеселится праведникъ ω Гдѣ, вмѣсто во Гдѣ. ω имени твоѣмъ воздѣнѣ рѣцѣ моѣ, вмѣсто во имени, и проч.* Перевод: *ω, вместо во, греческого ἐν, употребляется в славянском языке, сочетаясь с тем же падежом, например: Обрадуется праведник о Господе, вместо в Господе. О имени твоѣмъ подниму руки мои, вместо во имя* [14, с. 644].

Можно предположить, что исправления никоновских справщиков и в этом случае обусловлены ориентацией на греческую грамматику.

Эти исправления вызывают протест старообрядческой партии, например, Никиты Добрынина, который возражает против таких замен, как *о Бозѣ* *о* Боге на *въ Бозѣ* *в* Боге, *о Христѣ* *о* Христе на *во Христѣ* *во* Христе, *о Господѣ* *о* Господе на *въ Господѣ* *в* Господе [11, с. 354].

Другие замеченные грамматические колебания в переводе Епифания связаны с причастиями.

Встречаются варианты, обусловленные отсутствием соответствий греческим грамматическим категориям, например, перевод причастия *γεννώμενον* Славинецкий пытается конкретизировать, используя в тексте страдательный залог, а в глоссе – категорию возвратности:

Ико светъ из огна присно раждаемый – (ражда)юцса [12, л. 5] (τὸ μὲν φῶς ἐκ τοῦ πυρὸς γεννώμενον *как свет, рождающийся от огня неотделимо* [13, с. 35-36]); **отъ всехъ винныхъ (винныхъ) именѣются** [12, л. 8] (ἐκ πάντων τῶν αἰτιατῶν [13, с. 56]). Славинецкий, приводя на полях причастие, старается отметить глагольную сему греческого прилагательного (*от всех, виной (причиной) которых является Бог*), соединение прилагательного *винныхъ* и причастия *винныхъ* создает значение наиболее близкое греческому отглагольному прилагательному; **огонь негасный** – **негасимый** [12, л. 12 об.] (τὸ πῦρ τὸ ἀσβεστον *огонь неугасимый* [13, с. 80]).

Другие грамматические варианты – колебания в формах глаголов – обусловлены стремлением сохранить греческую структуру (префиксальную или беспрефиксную): **И возсудитъ (судитъ) всю селеннѣю в правдѣ** [12, л. 9 об.] (καὶ κρινεῖ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην ἐν δικαιοσύνῃ *и будет судить всю вселенную в правде* [13, с. 64]).

Здесь можно отметить видовые отношения глаголов, где глосса представляет глагол изначально двувидовой (судить), а в тексте дана перфективная форма (возсудить). Славинецкий, вероятно, не смог оставить одну форму ввиду незакрепленности категории вида и бесприставочной структуры греческого слова, предполагающей соответствующую славянскую.

Ѡ сѣцаго бо висатъ (извисатъ) сѣцаа [12, л. 9 об.] (τοῦ γὰρ ὄντος ἐξήπται τὰ ὄντα *потому что сущее зависит от Сущего* [13, с. 64]). Здесь нет видовых различий, выдерживается только формальная сторона: Славинецкий калькирует греческую приставку ἐξ (из).

Другие подобные примеры: **тѣшитса** – **штѣшается** [12, л. 24 об.] (τέρπεται *‘утешается’* [13, с. 164]). Здесь греческая структура отражается в основном варианте слова. **Кажѣтса** – **наказѣютса** [12, л. 25] (παιδεύονται *‘наказываются’* [13, с. 166]); **вса вжѣго советѣа извсать** – **вса изъ вжѣго советѣа висать** [12, л. 24 об.] (τα δέλοιπά πάντα τῆς θείας βουλῆς ἐξήρτηται *‘все остальное зависит от Божией воли’* [13, с. 162]). Вариант в тексте более формально близок оригиналу, вариант на полях семантически точнее.

Итак, грамматические варианты, отраженные в глоссах, соответствуют общезыковым тенденциям (так называемое третье южнославянское влияние) и в большинстве отражают стремление к сохранению греческих структур.

В другую группу можно выделить глоссы, в которых отражена лексическая и словообразовательная вариативность – поскольку словообразование служит пополнению лексики, мы объединили эти глоссы.

Обширно представлены соответствия **сила** – **мощь** и **народодѣтель** – **содѣтель** (в греч. δύναμις *‘сила, мощь’* и δημιουργός *‘творец’*).

Первое обусловлено юго-западнорусским воздействием (ср. польск. moc *‘сила’*). Второе – традицией перевода.

незмѣненъ – **неиначественнѣи** [12, л. 1 об.] (ἀναλλοίωτος *‘неизменный’* [13, с. 14]); **заченса** – **сърпѣтса** [12, л. 1 об.] (συλληφθεῖς *‘был зачат, зачатый’* [13, с. 14]) – Славинецкий калькирует греческие лексемы.

В плане словообразования показательны примеры замены в глоссах образований нулевой суффиксации структурами с морфологически выраженными суффиксами. Это, в частности, обусловлено принадлежностью памятника к жанру высокого стиля – богословию, для которого нулевой суффикс не столь характерен, как суффиксальные имена на *-ние* и др. Впрочем, имена нулевой суффиксации в глоссах также отмечаются.

Бл҃гаа е҃во вола (хотѣнїе) е҃сть. Вса во елика извола (восхотѣ) Гдѣ сотвори и воли (хотенїю) его никтоже противостоятъ [12, л. 25] (ἡ ἀγαθὴ αὐτοῦ θέλησις ἐστὶ πάντα γάρ, ὅσα ἠθέλησεν, ὁ κύριος ἐποίησεν, καὶ τῷ θελήματι αὐτοῦ οὐδεὶς ἀνθέστηκεν *‘...есть благая Его воля (желание): ибо все, что захотел, Господь сотворил, и никто не противостоят его воле (желанию)’* [13, с. 164]).

Примечательно, что переводчик сохраняет в глоссах фигуру корневого повтора.

Другие примеры устранения в глоссах нулевого форманта: **ровъ** – **амѣ** *‘яму’*, **спадежи** – **спаденїа** *‘упадка’* [12, л. 24]; **падежемъ** – **паденїемъ** *‘падением’* [Там же, л. 24 об.].

Словообразовательная вариативность представлена в глоссах также примерами синонимии элементов *без-* и *не-*, которые переводчик приводит как соответствие греческому отрицательному префиксальному элементу *α-*: **незмѣнное** – **неиначественное** [Там же, л. 2 об.] (τὸ ἀναλλοίωτον [13, с. 20]); **незмѣнное** – **безиначественное** [12, л. 4] (ἀναλλοίωτον [13, с. 28]).

В глоссах к слову **незмѣнное** видим проявление контекстной словообразовательной синонимии, где *без-* и *не-* выступают как синонимичные форманты: *безиначественное, неиначественное*.

Интересно, что функционально (в языке) элементы *без-* и *не-* редко синонимичны, поскольку *без-* чаще оформляет конфикс и выражает значение отсутствия, тогда как *не-* выражает отрицание либо утверждение противоположного производящему. Здесь Славинецкий, таким образом, произвольно отступает от языковой традиции, образует слова-кальки по собственной модели и контекстно представляет *без-* как префикс, возможно, ориентируясь на традицию перевода элемента *ἀ-* элементом *без-* в составе конфикса.

Есть глоссы, представляющие указание на цитируемое место Библии: **И Иовъ: Дхъ Бжїи сотворивый ма** – **гладѣ агѣ ѣ** *‘Иов: Дух Божий, сотворивший меня’* [12, л. 3 об.]; **И паки: просите Црѣтва Бжїаго и правды е҃во и сїа вса приложатса вамъ (лѣѣ)** *‘И еще: просите Царства Божиего и правды его, а это все вам прибавится’* [Там же, л. 18].

В следующем контексте глосса приводится для уточнения семантики греческого слова во избежание нежелательной омонимии при толковании:

Требуѣтъ во вѣдети акѣ агенитонъ единемъ и пишемѣ незданное или небышнее знаменѣтъ агенитонъ же двѣма и пишемѣ авлаетъ нерожденное. По первомъ ѣво знаменѣмъ разньствѣтъ сѣщество сѣщества. Ино во сѣщество незданно сирѣчь агенитонъ (небышнее) единѣмъ и и ино бышнее сирѣчь зданное. Перевод: *‘надо знать, что агенитон, которое пишется через одно н, означает несозданное (не бывшее), агенитон же, которое пишется через два н, значит нерожденное. Первым отличается одна сущность от другой, потому что несозданная сущность, т.е. агенитон (небывшее) с одним н – одно, а бывшее, т.е. созданное – другое’* [Там же, л. 5].

Другие примеры перевода греческих слов: Θεός – **Бгъ** *‘Бог’* [Там же, л. 6 об.]; συμβολικός – **гадателнѣ**, **знаменателнѣ** *‘символически’* [Там же, л. 7 об.]; Ἀπιδιότης – **подсолнечникъ** *‘подсолнечник’* [Там же, л. 16]; Φλεγμι – **глени** *‘слизи’* [Там же, л. 14 об.]; Животна – **зидїа** *‘животное’* [Там же] (но **зидїа** – **животнаа** *‘животные’* [Там же, л. 15 об.]).

Встречаются глоссы, включающие словообразовательную пару «производящее – производное»: **Параклѣта** (παράκλητον [13, с. 40]), **такѣ всѣх параклѣтства** (παράκλησις [Там же]) **прїемлюцаго, [молебника, тако всѣхъ моленїа прїемлюцаго, или призватела, тако всехъ призыванїа прїемлюцаго]** *‘Утешителя, принимающего призывания всех’* [12, л. 5 об.]. Здесь в тексте используются грецизмы, а на полях дан вариант перевода. Смысловое единство глоссы и текста позволяет утверждать отыменную соотнесенность образования **молебникъ** – *‘тот, кто принимает мольбы, моления’* и тяготение к таковой слова **призватель** – *‘тот, кто принимает*

призывания, призывы'. В контексте традиционная словообразовательная семантика имени на *-тель* «лицо по действию» приобретает вариант «лицо, на которое направлено действие», приближаясь по значению к страдательному причастию настоящего времени, в противоположность обыкновенному сближению образований на *-тель* с действительными причастиями (активное действующее лицо – «тот, кто совершает действие»).

Славинецкий пытается выразить глоссой морфологическую и словообразовательную специфику греческого оригинального слова, отсекая возможную двусмысленность.

Снъ же из Оца рожденнѣ _Сын же, рожденный от Отца' (γεννητῶς [13, с. 40]) – **рождественнѣ** (т.е. связан с Отцом рождением – рождеством) [12, л. 5 об.]; **Не спасающихъ (не хранящихъ)** (τῶν μὴ σωζόντων [13, с. 42]) **вида изъ нихъ совершаемыя вещи** _Не сохраняющих вида той вещи, которая из них получается' [12, л. 6]. Славинецкий переводит дословно, но видит необходимость конкретизировать значение.

Примечательны примеры, когда переводчик, выбирая вариант для текста и глоссу, отдает предпочтение то первому, то второму варианту (в большинстве случаев он последователен и такой мены нет): **теплоты же и стѣдены (хладоты)** [Там же, л. 16] (θάλφεις τε καὶ φύξεις *теплоты же и холода'* [13, с. 100]) – здесь глосса служит фигуре морфемного повтора. **Ико же твердаа пища слабымъ (магкыи) еще и требующимъ млека** [12, л. 18] (ἥσπερ στερεὰ τροφή τοῖς ἔτι δεομένοις γάλακτος *так же, как твердая пища слабым еще и требующим молока'* [13, с. 116]) – здесь реализуется лексическая антонимия *твердая – мягким*. В оригинале этой антонимии мы не наблюдаем, дополнительная структурная связь создается переводчиком.

Доброненавистный демон – ненавистно добрый [12, л. 26] (μισόκαλος δαίμων *ненавидящий добро'* [13, с. 174]) – Славинецкий приводит глоссу, восстанавливая последовательность греческих основ, однако при этом искажается семантика определения («ненавидящий добро»).

Итак, основные функции глосс:

- отражение грамматических вариантов, связанных с морфологическими различиями древнегреческого и церковнославянского языков, которые затрудняют формально точную реализацию;
- объяснение греческих слов, приводимых в оригинальном тексте без перевода;
- указание на источник цитаты из Евангелий, Посланий Апостолов и Псалтири;
- реализация лексических явлений (контекстная антонимия);
- попытка уточнения многозначного слова;
- отражение словообразовательных возможностей церковнославянского языка, позволяющих различные варианты перевода.

Анализ представленных в переводе Славинецкого глосс свидетельствует о стремлении переводчика к максимальному сближению с оригиналом. Глоссирование отражает словообразовательные возможности церковнославянского языка, позволяющие различные варианты перевода. Переводчик, стремясь четко следовать оригинальному тексту, создает текст высокого стиля, усложненный словообразовательно, текстообразовательно и лексически, служащий размышлению над недоступностью Божественного знания.

Список литературы

1. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Иностранная литература, 1952. 447 с.
2. Виноградова В. Н. Образование отвлеченных существительных с приставками не- и без- в древнерусском языке XI-XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1964. С. 218-244.
3. Гезен А. М. История славянского перевода символов веры: критико-палеографические заметки. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. 136 с.
4. Маркаръян Н. Е., Николаев Г. А. Сопоставительное словообразование и формообразование русского и польского языков. Имя существительное. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 140 с.
5. Марков В. М. Явления суффиксальной синонимии в языке судебников XV-XVI вв. // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1956. Т. 116. Кн. 1. С. 299-306.
6. Николаев Г. А. Лекции по русскому словообразованию. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. 188 с.
7. Николаев Г. А. Формы именного словообразования в языке Мерила Праведного XIV века: дисс. ... к. филол. н. Казань, 1965. 365 с.
8. Николаева Н. Г. Трактат Дионисия Ареопагита «О божественных именах» в древнеславянском переводе. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. 255 S. (Beiträge zur Slavistik. Bd. 42.)
9. Николаева Н. Г., Кузьмин С. И. Сказы князя Андрея: типология и языковые особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 127-132.
10. Потенба А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. 551 с.
11. Румянцев И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»): историко-критический очерк. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1916. 658 с.
12. Сборник переводов Епифания Славинецкого. М.: Печатный двор, 1665. 410 л.
13. Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры / пер. проф. А. А. Бронзова. Афины: б. и., 2010. 395 с.
14. Смотрицкий М. Грамматика. М.: Печатный двор, 1648. 754 с.
15. Смотрицкий М. Грамматіки Славенскія правільное Свнтагма. Евьє, 1619. = Репринт: Мелетій Смотрицький. Грамматіка. Підготовка факсимального видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука. Київ: Наукова думка, 1979. 251 с.
16. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

THE TRANSLATION OF JOHN DAMASCENE'S "THEOLOGY" BY EPIFANY SLAVINETSKY
IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE HISTORY OF THE XVII CENTURY

Bovsunovskaya Anna Ivanovna, Ph. D. in Philology
Kazan State Medical University
bowari@yandex.ru

The translation of John Damascene's "Theology" made by Epifany Slavinetsky is a monument unexplored linguistically. It is the centre of linguistic searches of Graecophils in the XVII century and it reflects, on the one hand, the linguistic situation of the period prior to the national one and, on the other hand, individual experiments of the translator. Research value is presented by glosses remained in printed version as translator's reflections on vocabulary and grammar. The reason for their preservation could be the collision of stable translation expressions and semantic-structural calques of the translator.

Key words and phrases: the history of the Russian literary language; Graecophils; Epifany Slavinetsky; features of translation; gloss.

УДК 821.161.1+821.161.2

Филологические науки

В данной статье автор обращается к творчеству русско-украинских писателей Г. Ф. Квитки-Основьяненко и Н. В. Гоголя с целью изучения близости их творческих подходов. Рассматриваются выражение в творчестве обоих писателей категории комического, особенности смеха и использование комических средств. Автор приходит к выводу о близости творческих взглядов Г. Ф. Квитки-Основьяненко и Н. В. Гоголя.

Ключевые слова и фразы: Г. Ф. Квитка-Основьяненко; Н. В. Гоголь; комическое; народная смеховая культура; сакральная природа смеха; комические средства.

Бологова Ксения Олеговна

Орловский государственный университет
ks.shchyogoleva@mail.ru

КОМИЧЕСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. Ф. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО И Н. В. ГОГОЛЯ[©]

Юмор, сатира и другие виды комического широко используются многими писателями. Не является исключением и Н. В. Гоголь, а также его современник Г. Ф. Квитка-Основьяненко (русско-украинский писатель первой половины XIX века). В данной статье мы и рассмотрим, как в творчестве Г. Ф. Квитки-Основьяненко и Н. В. Гоголя воплощается категория комического, в чем особенности смеха и какие комические средства используются писателями с целью выявления близости их творческих взглядов.

Вопросу изучения смеха Н. В. Гоголя в литературоведении отведено достойное место. Еще В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1841 году» обратился к смеху писателя и впервые попытался проследить эволюцию комизма Гоголя. Итак, критик выделяет три этапа в эволюции смеха Гоголя. Первый – «улыбка юноши», «веселый комизм» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Второй – юмор, который, представляя грязную действительность, наводит на созерцание идеальной действительности в «Арабесках». Третий этап – «смех сквозь слезы» в «Миргороде».

Нечто подобное можно видеть и в творчестве Г. Ф. Квитки-Основьяненко, хотя эволюцию смеха выделить сложно. Тем не менее, в ряде произведений можно видеть и «улыбку юноши» («Солдатский портрет», «Праздник мертвецов»), и изображение грязной действительности («Козырь-девка»), и «смех сквозь слезы» («Украинские дипломаты»).

Смех Гоголя имеет народную основу, корнями своими уходит в народную смеховую культуру, об этом писал М. М. Бахтин: «Праздник, связанные с ним поверья, его особая атмосфера вольности, веселья выводят жизнь из ее обычной колеи и делают невозможное возможным. Гоголевский смех в этих рассказах – чистый народно-праздничный смех. Он амбивалентен (двузначен – фамильярное сочетание в тоне смеха восхваления и поношения, хулы и хвалы) и стихийно-материалистичен. Эта народная основа гоголевского смеха, несмотря на его существенную последующую эволюцию, сохраняется в нем до конца» [1, с. 485-486].

Практически то же самое можно сказать и о смехе Г. Ф. Квитки-Основьяненко, который также имеет народную основу в ряде произведений («Конотопская ведьма», «Праздник мертвецов», «Козырь-девка» и др.). В них автор обращается к изображению народной жизни, использует фольклорные источники (народные поверья и анекдоты).

Многие исследователи (В. Зеньковский, К. В. Мочульский, В. А. Воропаев, И. А. Виноградов, М. М. Дунаев и др.) отмечали духовную природу гоголевского смеха. Такой смех обладает очищающей силой и становится средством борьбы со злом, так как имеет сакральную основу. Через соединение комического и сакрального Гоголь приближает читателя к сфере божественного.